

Бикбов А.Т.

Метод и актуальность работ Мориса Хальбвакса*

Что известно о Морисе Хальбваксе современному российскому социологу? Его имя не упоминается сегодня во всех аудиториях наряду с именами «первооснователей»: Вебера, Дюркгейма, Зиммеля, Парсонса. Если эти фигуры уже приобрели монументальные очертания на постаменте из учебников, справочников и обильных ссылок, имя Хальбвакса оказывается едва ли не слабо заметным штрихом на его поверхности: «представитель школы Дюркгейма». Между тем, во французских социальных науках — а можно говорить и о европейских в целом — его труды не только не прошли через период забвения, как, например, труды Дюркгейма, но и задали рамки исследования социальной структуры и конструирования социальных категорий, интерпретации демографических данных, изучения социальных форм памяти и мышления. Начиная с 40-х годов во Франции развивается социология социальной структуры, наследующая его работам о классах и стилях жизни [1]¹. В 50-60-е годы на основе его разработок, дополненных статистическими данными, новыми приемами анализа, а также новыми политическими проблемами, ведутся исследования классовой структуры современного общества². Статистика превратилась из революционного открытия в привычный каркас социологического метода, но интерес к работам Хальбвакса не остановился на пороге 70-х. В работах 80-90-х происходит возврат к ним, уже в рамках критики инструментария опросов, а также в связи с проблемами конструирования социальных категорий, как универсальными институтами, так и самим исследователем³. Несомненно влияние идей Хальбвакса и на смежные дисциплины, например, на сложившееся с

* Опубликовано как послесловие в: Хальбвакс М. Социальные классы и морфология /Пер. с фр. под ред. А.Бикбова. М.-СПб.: ИЭС-Алетейя, 2000.

¹ Речь идет, прежде всего, о работах Хальбвакса [2; 3].

² См., напр. [4; 5; 6].

³ См. [7] и главы, написанные Р. Ленуаром и Д. Мерлье в [8, с. 20-25, 112-116].

конца 1920-х гг. вокруг журнала «Анналы социальной и экономической истории» новое направление исторических исследований⁴.

Идеи и приемы Хальбвакса возвращаются в социологическое производство и продолжают использоваться (или отвергаться) как современный и работающий инструментарий. Трудно не согласиться, что именно такое отношение является лучшим доказательством научного признания и сохраняющейся актуальности работ ученого. И если в его адрес наряду с «современник» звучит «классик», в этом нет ноты консерватизма: труды Хальбвакса контекстуализированы, прежде всего, в рамках «классики обновления» социального знания, определяемого через новые проблемы и новые способы исследования. Однако в отечественной социологии его идеи почти не звучат. Почему? Ответ, расположенный ближе всего к поверхности, может быть таким: была прервана дореволюционная традиция гуманитарного позитивизма, образующая контекст — притяжения и отталкивания — для подобной программы, предлагающей пересмотр ряда положений классической социальной философии. Если мы приблизимся к текущему моменту, главной причиной окажется различие дисциплинарных классификаций в отечественной и европейской социологии. Дело в том, что в первом случае мы имеем более жесткое деление по границе «основатели/последователи», следствием чего становится образование незыблемого и активно защищаемого пантеона избранных великих, препятствующего не только реализации исследовательского императива в социологии, но и реальной теоретической дифференциации дисциплины.

В поисках первых причин такого состояния дисциплины можно указать на политические условия становления и развития социологии в советский период или на ее «пока еще» слабо насыщенный общегуманитарный контекст. Однако внешними условиями нельзя полностью объяснить внутридисциплинарную логику, а потому более продуктивным оказывается обращение к сложившейся и действующей структуре социологического производства. Указанная особенность классификации отражает разрыв между преподавательской и исследовательской позициями, а следовательно, логиками восприятия и оценивания в рамках общего дисциплинарного самообозначения, когда императив исследования более не способен составлять конкуренцию консервативной и хрестоматизирующей логике преподавания, и когда профессионал все более уступает профессору по силе, успешности, убедительности, весомости.

Последние десять лет отечественная социология шла к сознанию того, что

⁴ О влиянии идей Хальбвакса на становление школы «Анналов» сообщает один из действующих ее представителей Ж. Ле Гофф: «...Возможно, но труднодоказуемо при отсутствии специальных изысканий, что новые установки в отношении длительности и, соответственно, история глубоких слоев французского общества оказали влияние на появление “Анналов”. Это безусловно верно в отношении книги социолога Мориса Хальбвакса “Les cadres sociaux de la mémoire”» [9].

она нужна только самой себе, и самым простым для социолога способом скрыть это от себя оказалось стать преподавателем социологии. Дело не в том, что социологи прекратили исследования — часто те, кто преподают, выполняют эмпирическую работу. Сложившийся еще в советский период разрыв между историко-социологической и исследовательской сферами компетентности, обремененный доминированию философии в символической иерархии всех гуманитарных дисциплин, продолжает воспроизводиться сегодня, в изменившихся условиях. Почему это происходит? Потому что институциональная дифференциация социологии произошла не по отраслевым критериям (по которым упорядочено большинство учебников и вводных курсов): социология труда, социология культуры, социология семьи и т.д. — а по практическим сферам, ранее заключенным в рамки единой академической науки: опросы и маркетинг, преподавание, консультирование и т.д. В этой ситуации «высшее знание», теория отошли тем, кто ими уже распоряжался; то же произошло и с техническими приемами, и с масштабными эмпирическими исследованиями. Теории, которая рождалась бы из духа исследования, в новой структуре разделения социологического труда почти не осталось места. Именно поэтому введение в социологический оборот «современных классиков» или преподавателей-исследователей представляется особенно важным для нарушения сомнительного равновесия, которое делает невозможным продуктивное движение науки.

И именно поэтому в настоящем тексте мы попытаемся представить не самого Хальбвакса, как фигуру, имеющую принципиальную (значительную, известную, некоторую, несущественную) ценность для истории социологии, а сборник его работ — своего рода творческую лабораторию, которая нуждается в критическом взгляде и расчистке, но ингредиенты и инструменты которой могут оказаться полезными современному российскому профессионалу.

Работам Хальбвакса свойственна отчетливая эмпирическая направленность, в отличие от трудов Дюркгейма, которые покоятся на фундаменте картезианского дедуктивизма⁵. Дюркгейм вполне следует его принципам, когда гарантией достоверного описания общества делает положение: наука «движется от идей к вещам, а не от вещей к идеям» [11, с. 40]. Социальный факт выступает у него первоэлементом, который, будучи развернут во всей конструкции метода уже в ней самой раскрывает истину социального мира. Логика метода в качестве своего основания обнаруживает эволюцию социального целого, удостоверенную посред-

⁵ Принципы которого сформулированы Декартом, в частности, в «Правилах для руководства ума»: «Весь метод состоит в порядке и расположении тех вещей, на которые надо обратить взор ума, чтобы найти какую-либо истину. Мы будем придерживаться его, если шаг за шагом сведем запутанные и сложные положения к более простым, а затем попытаемся, исходя из усмотрения самых простых, подняться по тем же ступеням к познанию всех прочих» [10].

ством разума, а благодаря этому, доступную непосредственному усмотрению⁶.

В противоположность Дюркгейму, Хальбвакс раскрывает проблематику коллективного восприятия, солидарности и морали вне жесткой связи со схемами органической эволюции: «Нам дано не единственное общество, Общество с большой буквы, но группы. Они могут образовывать различные единства, в зависимости от устанавливающихся между ними отношений. Причем, эти единства обладают известной независимостью друг от друга: именно это мы подразумеваем, когда говорим о политической, религиозной, экономической и прочих эволюциях, которые следует различать и изучать порознь» («Закон в социологии»⁷). Тем самым, он оставляет открытой перспективу «от индивида и группы к социальному целому», которая у Дюркгейма репрессируется в процессе теоретического развития обратной — «от коллективного к индивидуальному». Преимущества подобной открытости становятся явственными, когда нужно идти от логически связанных, но отвлеченных понятий метода к конкретным проблемам, которые не могут быть устранены из социологической практики, в том числе современной, теоретической и исследовательской: условия социального и экономического неравенства, механизмы воспроизводства институтов государства и их функционирование в различных социальных сферах, зависимость социальных представлений от профессиональных практик, поддержание социального порядка на уровне рутинных интеракций и т.д.

Двунаправленность социологического взгляда позволяет Хальбваксу оставаться в круге этих проблем и описывать — с меньшей понятийной строгостью, но с привлечением обширного фактического материала (результатов наблюдения, статистики, исторических источников, вторичных социологических данных) — механику социального воспроизводства, в том числе, взаимоотношение общности и индивида. Именно поэтому в числе главных его заслуг первой обычно называется разработка теории социальной структуры, которая, как таковая, не интересовала ни Дюркгейма, ни Мосса, тогда как именно Хальбвакс представил ее в полном масштабе. Однако, спектр проделанной им работы не ограничивается этой темой, вкпе с исследованиями по коллективной памяти (точечно представленные в работах второй главы настоящего издания) и социальной истории города (третья глава) дающей привычную характеристику автора. В настоящем сборнике представлены работы, в которых на конкретных примерах (впрочем, далеко не всегда методически рельефно) проанализированы содержание и условия действенности коллективных представлений (первая и вторая главы), индивидуальные мотивы (устрем-

⁶ В этом мы также можем увидеть параллели с методом Декарта. Непосредственную данность истины целого мы находим у того в качестве движущей причины познания: «ведь именно с помощью природы, взятой в ее целом, я познаю сейчас не что иное, как самого Бога или же установленную им связь тварных вещей» [12, с. 64].

⁷ Здесь и далее приводятся названия статей Хальбвакса, помещенных в настоящий сборник.

ления) и их экономические (первая глава) и демографические (третья глава) детерминанты, проблемы использования статистического анализа при объяснении социальных и демографических процессов (четвертая глава), социальный генезис способности суждения, а также логика социальных чувств и ритуала (вторая глава). Если пользоваться метафорой лаборатории, набор веществ и соединений, представленный в данном сборнике, притягателен и многообещающ. Однако некоторые из них, несомненно, требуют критического разложения и повторного синтеза.

Имея в виду постоянную опору Хальбвакса, с одной стороны, на фактический материал, а с другой, на методологические допущения, удовлетворявшие критериям достоверности и полноты в общественных науках начала века (начнем обзор с его ранних работ), мы сталкиваемся с обстоятельством, которое, на первый взгляд, способно лишить актуальности его социологическое построение, относящееся к этому времени. Не оказывается ли теперь Хальбвакс, в том числе в качестве разработчика теории социальной структуры, лишь исторически значимой фигурой, чьему имени остается украшать учебники и энциклопедии? Сомнение возникает, прежде всего, в связи с характером обобщений, в которых интерпретация статистически понимаемых фактов — при раздвоенности методологической перспективы, а значит, избегании понятийной строгости — могла находить (и находила) опору в здравом смысле эпохи, в метафизике нравов, в мало рефлекслируемых представлениях о «природе» тех или иных социальных явлений, обусловленных только их смыслом в контексте актуального символического порядка.

Если к началу века в естественных науках системы классификации фактов сформировались почти окончательно, а основной корпус исследовательских практик интенсивно рутинизировался в ходе превращения их в промышленные технологии, содержание наук об обществе основывалось на интуиции и социальной компетентности ученых в намного большей мере, чем на унификации средств описания и объяснения социального мира. Это заставляло (и этой ситуации мы наследуем сегодня) видеть в естественных дисциплинах пример и образец научной строгости; и именно это не позволяет нам сегодня пользоваться работами предшественников с полным доверием к их обобщениям, в отличие от положения в описательных дисциплинах: географии, ботанике, зоологии — где особую ценность имеют, как раз, ранние исследования, зафиксировавшие более несуществующие факты и их сочетания⁸.

⁸ Конечно, нельзя видеть в этом исключительную характеристику социологии начала века. Достаточно вспомнить, как быстро, в течение нескольких лет, обесценились в среде самих социологов результаты советских эмпирических исследований, в большинстве своем опиравшихся на нормативное политическое конструирование факта. Сегодня мы можем воспользоваться ими как материалом для критического анализа в рамках социологии или

В силу исследовательской ориентации, одновременно преодолевающей и наследующей предпосылкам, господствовавшим в социальных науках начала века, работы Хальбвакса совсем не оказались избавлены от общего девальвирующего качества: синтеза нестрогих выделяемых фактов посредством обыденных классификаций. Если мы обратимся и к более поздним его работам, напрямую связанным с конструктивистской концепцией факта — статьям по социальной статистике (в третьей и четвертой главах настоящего сборника), и там на месте схем корреляции, признанных в настоящее время достаточным основанием социологического объяснения, мы порой обнаружим максимы здравого смысла или аналогизирующие (заимствованные из естественных наук, и таким образом, неспецифические для социологии) образцы рассуждения. Конечно, по мере развития собственного метода, по мере интеграции в него статистического инструментария и реляционного анализа, Хальбвакс становится все ближе к современной концепции социальной науки (правильнее сказать, создает ее для нас), теряя предрассудочную тяжеловесность — достаточно сравнить способ объяснения и социологическую остроту выводов в первой и последней статьях сборника. Но если говорить о помещенных в первых двух главах работах, где закладываются основы социологического метода и объяснения, кажется, можно предоставить их историкам, которые подтвердят правоту Дюркгейма, видевшего слабость современных ему общественных наук в предрассудочности и несистематичности [11, с. 11-12]. Однако попытаемся подвергнуть эти ранние работы переплавке, отделив утратившие весомость факты и общую картину, ими составленную. Может быть, мы сможем воспользоваться исходными абстракциями, которыми питается его исследовательская практика?

Основным допущением, на которое Хальбвакс опирается в анализе взаимосвязи коллективной и индивидуальной реальностей, является тезис Дюркгейма об их независимом существовании как порядков *suī generis*. Однако, в сравнении с последним, в ранних разработках Хальбвакса почти всегда социальному явным образом онтологически предпосланы человеческая природа, естественные навыки и склонности, интеллектуальные способности, виды деятельности, богатство. А вследствие этого мистифицируется и социальное положение. Естественный статус приписывается социальным фактам для первоначального описания и классифика-

частично восстановить по ним эффекты социальной структуры и коллективного сознания, но использовать их как полностью достоверные фактические описания вряд ли решатся даже их разработчики. Схожее будущее можно уже сегодня предполагать и для большинства эмпирических исследований последних лет (и не только в России), в особенности тех, которые призваны фиксировать реальность идеально-нормативных сущностей: демократии, модернизации, класса предпринимателей, свободного рынка, — а также для фактов, сконструированных и воспроизводимых в сиюминутных политологических, маркетинговых схемах и опросах общественного мнения.

ции, а потому они наделяются самостоятельной (естественной) — а не соотносительной в рамках одного порядка — сущностью, в свою очередь, не отделяемой от формы обыденного опыта, в котором предстает очевидной.

Фиксация предмета описания через его натурализацию, имеющую точкой отсчета индивида как физио-психическое существо, сближает Хальбвакса со Спенсером, с которым Дюркгейм — несмотря на существенные заимствования — постоянно полемизирует⁹. Это заметно, прежде всего, там, где Хальбвакс объясняет функционирование сознания непосредственно в терминах его интенсивности, объема, границ, выраженности представлений, а также когда он обнаруживает источник представлений непосредственно в характере индивидуальной деятельности, тем самым наследуя пониманию Спенсером сознания как соответствия между органической деятельностью и изменениями среды [14, с. 236]¹⁰. Как и у Спенсера, характеристики такого протяженного сознания (то есть описание вне картезианской дихотомии протяженное/мыслящее) — не иллюстративная метафора, а рабочая натурфилософия, сходная с той, что охватывает у Декарта область достоверных телесных ощущений¹¹. Но для Декарта (а вслед за ним, в новой форме, Дюркгейма) эта достоверность выступает пунктом сомнения¹² и конечного преодоления в форме указанной дихотомии и вытекающего из нее метода, призванного компенсировать «немогущность нашей природы» [12, с. 72]. Для Спенсера же она центри-

⁹ Стоит тут же отметить, что в работах 30-х годов Хальбвакс занимает прямо противоположную позицию в вопросе об онтологическом значении свойств индивида: «Индивид никогда не бывает непосредственно предшествующим событием [то есть причиной — А.Б.]... Индивид — это только случай, и его чаще всего можно заменить» («Методология Франсуа Симиана» [здесь и далее — названия статей Хальбвакса в настоящем сборнике]).

¹⁰ В отличие от Дюркгейма, который через интенсивность характеризует чувства или состояния сознания как социальные реакции [13, с. 88-89]. Также, говоря об объеме (соотносительном объеме индивидуального/коллективного сознаний) или интенсивности сознания [13, с. 160], Дюркгейм характеризует не содержание сознания и не его части как таковые (в отличие от Спенсера и Хальбвакса), а эффекты социальной структуры, оказывающие на него принудительное воздействие (функции и полномочия социальных институтов, образование социальных типов по психическому сходству/по позиции в разделении труда, приобретение представлениями всеобщего характера). То есть у Дюркгейма физико-физиологическая терминология в описании сознания используется скорее как рабочее (метафорическое) обозначение структурных процессов. Отличие существует и в понимании среды: под нею (в качестве предмета социальной морфологии) Дюркгейм подразумевает не среду обитания индивида (как Спенсер), а определенный способ связи индивидуальных сознаний [11, с. 119], исключая, тем самым, психологическое описание социальных феноменов, которым нередко пользуется Хальбвакс в рамках понимания среды по аналогии со средой организма.

¹¹ «...Я беру здесь природу в более узком значении — не во всей сложной совокупности свойств, дарованных мне Богом; ведь в этой совокупности содержится много того, что имеет отношение лишь к уму... кроме того, сюда относится многое, связанное лишь с телом... о чем я не говорю, ведя речь лишь о тех свойствах, которые Бог даровал мне как сочетанию ума и тела» [12, с. 66].

¹² «...Мы нередко заблуждаемся в отношении того, на что наталкивает нас природа» [12, с. 67].

рует описание объективного мира, вытесняя предпринятое Декартом методологическое сомнение в область несуществующего или несущественного.

Если мы рассмотрим эту дихотомию только как элемент философской традиции, ее использование/неиспользование в социологическом объяснении покажется безразличным, поскольку социология не изучает субстанции и не может претендовать на их описание. Однако если мы возьмем ее как исходное допущение социологической теории, а точнее, предположение о непрерывности/наличии разрывов в рядах явлений, объясняемых социологически, мы обнаружим, что натурализация сознания выступает антонимом экспликации истории его социального формирования. И в этом смысле, даже экологическая концепция Спенсера («душа может быть понята не иначе, чем посредством того, каким образом она развивалась» [14, с. 181]) превращается лишь в историзованную метафизику, поскольку «душа» рассматривается по аналогии с нервным током, телесной организацией, внешним порядком (то есть с не-собой), а значит, ее история оказывается не более, чем динамическим моментом в «восходящих грациях... различных типов чувствующих существ» [14, с. 181].

Именно поэтому объяснение Спенсера исходит из допущения постепенного развития, в котором нет разрывов как между существами всей пирамиды живого, так и между различными элементами «субстанции души»¹³. Хальбвакс не следует тем же путем «нечувствительного» перехода от предмета одной науки к предмету другой: его интерес к биологии (как основанию социологии) рудиментарен — он даже отрицает за социологией право изучать наследование профессиональных навыков¹⁴, а его разработки в области объективной психологии всегда подчинены психологии социальной (например, «Коллективная психология по Шарлю Блонделю», «Индивидуальное сознание и коллективный разум») — и здесь он вполне руководствуется принципами дюркгеймианского метода. Но опора на натурализованное представление о сознании закладывает порог применения того социально-исторического инструментария, использование которого (начиная с первой статьи настоящего сборника, где речь идет об исторической эволюции и усложнении устремлений) видится ему единственно правильным.

Даже если сознание наделяется протяженностью не прямо вслед за Спенсером, а в силу господствовавших в конце прошлого-начале нынешнего веков метафизических представлений, это не отменяет сомнения в социологической адекватности подобного допущения. Поскольку у Спенсера «развитие души согласуется с законами развития вообще» [14, с. 118], а развитие непрерывно, даже при соблюдаемых мерах методологической предосторожности, выраженных в указании на

¹³ Так, состояния нервных центров выступают источниками желания [14, с. 82].

¹⁴ «Не социологу надлежит выяснять, передаются ли по наследству телесные отметины от различных видов труда или способности к некоторым специальностям — это биологические проблемы» («Замечания к социологической постановке проблемы классов»).

параллельное развитие «внешних» и «внутренних деятельностей» (то есть физической и психической реальностей) [14, с. 102], в различении «чувствований и отношений между чувствованиями» [14, с. 122], сознание оказывается одним из элементов разворачивающейся всеобщей протяженности, который почти невозможно рассматривать автономно, в рамках обуславливающих специфических для него детерминаций¹⁵. Так и Хальбвакс в ряде работ указывает условием и источником коллективных представлений не социальную историю, а материю («вещественную и человеческую»), которая становится непосредственным предметом индивидуального опыта («Материя и общество», «Характеристики средних классов»).

Конечно, если в качестве демаркационной рассматривать оппозицию «исследование/метафизика», значимую для всех ученых дюркгеймианского круга, Хальбвакс/Спенсер могут быть противопоставлены как ее полюса, поскольку первый ищет способ связать множество социальных фактов, понимаемых как вещи (а порой и понимаемых вещественными), в отдельную схему, тогда как у последнего объяснение и сама констатация факта подчинены предпосланной схеме плавной эволюции естественных свойств. Иначе говоря, натурализация выступает для первого точкой отталкивания, а для второго — точкой притяжения. Но, все же, черты сходства налицо. Так, хотя Хальбвакс и утверждает о невозможности прямого проникновения вещей в представления¹⁶, гипостазирова сознание рабочего («Материя и общество»), он выводит его особенности из предмета деятельности. В отличие от Маркса, источник социальной изоляции рабочего (в которой, в свою очередь, можно усматривать натурализованное неравенство) он видит, прежде всего, не в структуре распределения времени или характере производственных отношений, но в постоянном контакте с материей природы: в процессе работы (на весь рабочий день) материя становится единственной «вещью» индивидуального сознания, отграничивая его от остального общественного сознания и препятствуя развитию навыков социальной жизни¹⁷. Таким образом, если Дюркгейм, в силу доминирова-

¹⁵ Объясняя возникновение разума, Спенсер пишет: «... Всякое... психическое действие состоит в установлении соответствий между внутренними переменами и внешними сосуществованиями и последовательностями, и... это постоянное приспособление внутренних отношений к внешним постоянно прогрессирует в пространстве и во времени, в специальности, в общности и сложности, посредством нечувствительных постепенных переходов... самые высокие формы психической деятельности возникают мало-помалу из самых низших ее форм и не могут быть отделены от последней никакою резко определенной пограничной линией» [14, с. 278].

¹⁶ Заметим, что этот же тезис эксплицитно представлен и в работах Спенсера [14, с. 101].

¹⁷ «Следует добавить также, что данная физическая деятельность не только создает такого рода разделение в сознании между той его частью, что повернута к человеческим реалиям, и той, в которой развиваются представления о вещах и органах, связанных с ними, но также, что, располагая вообще к трате органических сил, она вызывает, обостряет телесные ощущения любого рода, усиливает чувствительность к сугубо физическим потребностям и, в свою очередь, отделяет их от системы устремлений, закладываемых в нас социальной жизнью» («Материя и общество»).

ния интереса к методу над вниманием к предмету, описывает сознание в терминах отношений¹⁸, Хальбвакс, уже в ранних работах отрицая прозрачность для коллективного сознания социальной эволюции или законов наследственности («Замечания к социологической постановке...»), в них же отождествляет предмет практики и предмет сознания, сводя их к абстрактно понимаемой сущности той или иной профессии¹⁹.

Казалось бы, прежде отделив факты, а теперь выделив исходные посылки, мы не обнаружили вещества, годного для использования в современном социологическом производстве. И тем не менее, тексты, в которых теория едва ли строга, а факты даны не систематически, после предпринятого разложения дают остаток, позволяющий с интересом воспринимать их не только с исторической точки зрения. Социологическое значение этих работ состоит в том, что исследовательская техника, избавленная от ряда строгих философских различий, тем не менее, позволяет описывать «протяженное сознание» в рамках своего рода феноменологии предметности сознания. Сознанию, понимаемому как натуральный феномен, сопутствует сознание, понимаемое исторически — как становящееся и формирующееся. В отказе от спенсеровского проекта построения пирамиды наук, соответствующей непрерывной эволюции природных свойств, в фрагментарности и, на первый взгляд, неполноте теоретического объяснения обнаруживается потенциал внутреннего обновления его исходных посылок. Уже в первых работах в методе Хальбвакса намечен разрыв со спенсеровским натурализмом, равно как с дюркгеймианским дедуктивизмом («Потребности и устремления...», 1905): в качестве предмета исследования экономической жизни здесь выступают множественные, но систематически воспроизводящиеся регулятивы индивидуального поведения (устремления), основанные на внутригрупповых отношениях. Здесь же, в поисках эмпирического субстрата социальных фактов Хальбвакс намечает контуры анализа связи между содержанием социальных представлений и структурой социальных отношений. Много позже, пользуясь тем же приемом, многообразие опыта он объясняет множественностью логик, включенных в широкую рамку общесоциальной логики — то есть вводит конструкцию, приближающуюся к понятийной паре «жизненный мир/интерсубъективность» в феноменологии Гуссерля: «Все частич-

¹⁸ «Мы не вдаемся здесь в вопрос, представляет ли собой коллективное сознание такое же сознание, как и индивидуальное. Под этим словом мы понимаем просто *совокупность социальных сходств* [курсив мой — А.Б.], не предвосхищая категории, через которую эта система явлений должна быть определена» [13, с. 88, сноски].

¹⁹ В работе «Индивидуальное сознание и коллективный разум» (1939) он явным образом обозначает противоположную точку зрения, объясняя сознание через отношения: «Коллективный разум существует и реализуется лишь в индивидуальных сознаниях. Кратко говоря, это не более, чем *определенным образом организованные отношения* [курсив мой — А.Б.] между индивидуальными разумами; это состояние сознания более или менее значительного числа индивидов, составляющих группу».

ные логики, на самом деле, имеют единый источник. Они дифференцировались внутри более широкой логики, которая выражается в языке (грамматика, синтаксис), в практической жизни, в общей жизни, подобно тому как разнообразные группы входят в состав общества в целом» («Коллективная психология рассудочной деятельности», 1938)²⁰.

Опора на уже не синкретическое, но все еще неясно определяемое тождество социального мира²¹ и его сознания, приводит Хальбвакса к допущению сознания как приобретения порядка восприятий через практику. В отличие от парадигмы гуссерлианской методологии, наследующей Декарту и Канту, эмпирический мир здесь не заключается в скобки, что требуется философу для обоснования опыта чистого сознания [15]. Сознание и мир (сущность и явление) редуцируются к тождеству их в представлении. Отказ от используемой Гуссерлем эйдетической редукции делает невозможным анализ чистых структур сознания, но при этом открывает возможность исследования различных сознаний в их частной предметности (что недоступно последовательному гуссерлианцу) — и Хальбвакс вполне эту возможность реализует.

Например, в «Замечаниях к социологической постановке...» он пытается выявить систему оснований, исходя из которых общественное сознание (прежде всего оно, а не социологический разум) производит классификацию по оси «высший/низший». Примечательно, что в рамках этого анализа «уровень жизни» рассматривается не как множество объективных показателей, но как ряд представлений, очевидностей, в которых реализуется способность социального различения. Следуя этому пути в более поздней работе, он схватывает предметность «протяженного» сознания бюрократической практики: отождествление людей с материей, сведение индивидуальных качеств к операбельным единицам («Характеристики средних классов»). Представление о материи (из приведенного выше примера с рабочим), которое заполняет индивидуальное сознание в процессе труда и изолирует его (предметно определенную) часть, обнаруживает в своем основании

²⁰ Мы обращаем внимание на это обстоятельство потому, что обнаруживаем не только общее структурное подобие между парами «жизненный мир/интерсубъективность» у Гуссерля и «индивидуальное/коллективное» у Дюркгейма и Хальбвакса, но и сходство в интерпретации языка как универсализирующего основания частных (индивидуальных) смыслов. Ср. у Гуссерля: «...Сам язык во всех своих специфических отличиях по словам, фразам, типам речи, что легко видно в грамматической установке, построен насквозь из идеальных сущностей; например, слово «Löwe» встречается в немецком языке только один раз, оно образует то, в чем идентичны бесчисленные его высказывания какими угодно лицами» [16]. Дифференциация внутри единой логики языка у Хальбвакса и чувственное воплощение «идеальной объективности» в бесконечном числе высказываний у Гуссерля предполагают общее основание: трансцендентальная для индивида, но имманентная обществу в целом реальность языка как структура *sui generis*, при этом, необходимо социальная.

²¹ Подчеркнем, не бытия как нечто, но мира как множества сущностей.

не просто метафору или натурфилософское предпонятие, но образ практики, рутинизирующейся в телесно-рациональном навыке. В более поздних работах (в частности, в статье «Индивидуальное сознание и коллективный разум», 1939) этот взгляд получает развитие и приобретает отчетливую терминологическую форму — «техника» (в 1936 выходит работа «Техники тела» другого видного дюркгеймианца, М. Мосса)²². В развитии взгляда на «протяженное сознание», Хальбвакс приходит к выводу о том, формы мышления «кристаллизуются» в социальных институтах, в их материальной структуре («Индивидуальное сознание и коллективный разум», 1939), а также что через акты выражения индивидом «высших» состояний и эмоций сознание вписывается в материальный порядок и становится, тем самым, доступным для социального контроля: не будучи врожденными, материализованные в теле формы экспрессии оказываются продуктом научения и последующих групповых воздействий («Выражение эмоций и общество», 1947).

Понятия материи, склонностей, мотивов, богатства, которые, на первый взгляд, выступают продуктом натурализации социальных отношений, приобретают — в связи с конкретными различиями на их основе предметностей сознания — подобие феноменам второго порядка в методологии Гуссерля, которые доступны усмотрению в результате редукции предметности феноменов первого порядка. Однако здесь имеет место не редукция эмпирического мира, а погружение в него: отличием социологической версии феноменологии выступает то, что источником, а значит, и результатом абстракции предмета выступает, в отличие от опыта чистого созерцания, опыт практический. В поздних работах мы обнаруживаем прямое подтверждение императива имманентного, погруженного анализа: «...Причина того, а не иного направления... развития находится не вне ряда фактов — в идеальной модели, которая как таковая никогда не реализуется — а в самих фактах и в связях между ними» («Методология Франсуа Симиана»). В свою очередь, условием индивидуального сознания Хальбвакс видит сознание коллективное («Потребности и устремления...», «Материя и общество», «Коллективная психология по Шарлю Блонделю», «Индивидуальное сознание и коллективный разум»), поэтому само становление предметности коллективного сознания оказывается событием в процессе социального взаимодействия, как, например, образование классовых организаций («Замечания к социологической постановке...»). Таким образом, в исследование снова возвращается историческая логика, которая казалась утраченной в ходе первой натурализации.

С социологической точки зрения важно то, что из последовательности усмотрений оказывается неустранимой социальной данностью, выступающая не в

²² «Организм и материал превращаются в единое целое: манипуляции и движения первого становятся — в применении техники — скорее физическими, чем осознанными» («Индивидуальное сознание и коллективный разум»).

форме абстрактного факта в рамках дедуктивного метода, но и не в форме просто-интуитивного тождества вещи тому, как она является. Формой данности оказывается непосредственный опыт социально упорядоченной практической сферы. В этом постоянном соотношении социальных очевидностей с социальными условиями упорядоченности опыта и состоит методический принцип, компенсирующий у Хальбвакса недостаточность и неполноту «природного» правдоподобия.

Итак, за первым уровнем объяснения, по виду архаического и не без вопросов получающего сегодня статус теории, обнаруживается второй: поначалу негромко проговариваемая, но разнообразно представленная исследовательская стратегия, своего рода техника социологического созерцания, которая придает трудам Хальбвакса научную остроту. Не исходная метафизика и не здравый смысл, но отталкивающийся от них навык социологической рефлексии оказывается нашим наиболее актуальным приобретением.

Учитывая вышесказанное, какие методические приемы, помимо натурализации, мы обнаруживаем у Хальбвакса? Вот ход, прямо ей противоположный в рамках оппозиции «натурализм/реляционизм»: если низшие классы определяются, прежде всего, в соответствии с доходами их представителей, то высшие характеризуют, прежде всего, их расходы («Замечания к социологической постановке...»). Тот же прием использован при объяснении характера потребления, исторических сходств и различий между близкими по положению во властных, профессиональных и экономических иерархиях социальных слоев (там же). Если мы обратимся к работам по тематике коллективной психологии (вторая глава настоящего сборника), наряду с группой, «понимаемой как вещь чувственного восприятия, которую можно потрогать, ощутить...» («Коллективная психология по Шарлю Блонделю»)²³, мы обнаружим социально-генетическое объяснение возможности познания: «...Именно общество — в силу новых контактов, которые устанавливаются между его членами и природой — приобретает, ограничивает, исправляет и изменяет свои представления» (там же). Не менее эвристична попытка проанализировать логику рационального мышления и дискурсивной аргументации как инкорпорированное, соотношенное в индивидуальном сознании, взаимодействие различных социальных групп («Коллективная психология рассудочной деятельности»).

Видимо, нам следует отказаться от ранее принятого предположения, будто Хальбвакс просто натурализует социальные факты. Объясняя социальное положение, первоначально он действительно описывает отдельные социальные позиции как имеющие собственную сущность, определенную функциями или способностями, свойственными им в силу естественного порядка. Но вслед за этим он ре-

²³ Впрочем, в работе «Статистика в социологии» мы обнаруживаем прямо противоположное замечание: «Но они [группы] представляют собой отнюдь не осязаемые предметы с ясными очертаниями. Прежде, чем начать их изучение, их нужно сначала сформировать (constituer)».

конструирует «классы», определяемые через множество показателей: доходы и расходы, навыки и стили жизни, представления и предметы деятельности, производственные функции и свободное время — соотнося социальные характеристики их представителей и с особой строгостью подходя к вопросу о границах между агрегациями этих поначалу натурализованных позиций («Замечания к социологической постановке...»). Более того, он осуществляет в отношении категориальной оппозиции «естественное/социальное» процедуру, не потерявшую социологической актуальности и сегодня. Моделируя социальные условия рабства, он явным образом проблематизирует естественное происхождение социальных категорий: этническое происхождение, статус раба или господина, обеспеченность и право на имущество, будучи связаны воедино, воспринимаются как факты природы, источник которых загадочен, а механизм воспроизводства устойчив (там же)²⁴. Таким образом, полагается конструирующая природа социального сознания, которая не просто преодолевает «природу», но замещает ее. Подтверждение этому тезису мы находим в эксплицитной формулировке, наследующей Дюркгейму: «Следует предполагать, что, хотя общество меняется, правила неизменны и, несмотря на то, что охватывают самые разнообразные стороны, их форма едина ...Эти правила: административные, юридические, педагогические — навязываются индивиду извне и представляются ему творением общества. Это не физические законы, хотя своей жесткостью и всеобщностью они повторяют законы и силы природы» («Характеристики средних классов»). Впрочем, в общем виде это положение имеет ключевую роль во всей традиции «позитивного» описания/объяснения общества, начиная с трудов Монтескье, откуда оно переходит в построения Конта, а затем Спенсера и Дюркгейма. Но для нас принципиально то, как это общее положение реализуется Хальбваксом социологически, в каких объяснительных процедурах оно развивается.

То же важно и при анализе условий социального порядка в целом. Исследовательская установка позволяет Хальбваксу демистифицировать негласно допускаемый каузальный монизм в социальных науках. Уже в первой помещенной в сборник статье (1905) он аргументирует отсутствие единственного мотива или закона, упорядочивающего всю социальную реальность, и возвращается к этому допущению в работах 30-х – 40-х гг., обогатив его опытом исследования («Методо-

²⁴ Хальбвакс резюмирует эту ситуацию следующим образом: «...Устойчивое различие условий порождает разнообразные привычки или типы поведения, которые со временем закрепляются; незнание же причин приводит к тому, что низшее или высшее социальное положение группы приобретает видимость естественного различия». Эффективность подобного анализа доказана использованием его в критической рефлексии одним из ведущих современных социологов П. Бурдьё: «Стремление к различению, которое можно заметить по манере говорить или отказу от мезальянса, производит разделения, направленные на то, чтобы их воспринимали, или, более того, чтобы их узнавали и признавали как легитимные различия, т.е. чаще всего как *природные различия*... [курсив мой — А.Б.]» [17, с. 69-70].

логия Франсуа Симиана»). Преодолевая утилитаристскую догматику, полагающую индивида единственным источником социального порядка, Хальбвакс исходит из дюркгеймианского тезиса: общество или группа предпосланы индивиду в качестве источника чувств, образцов, действий. Вместе с тем, он подвергает критике взгляд на общность как неразделимый и, в каком-то смысле, мистический источник побудительных мотивов и индивидуальных практик, гарантирующий объяснительную силу привычных категорий «рабочий», «буржуа», «средний класс». Исследование социальных чувств, коллективных представлений через призму статистики, ритуала, процесса труда избавляет объяснение от схематизма, к которому ведет сдвиг в социальной онтологии как в сторону универсальных мотивов, так и натуралистически принимаемых социальных классификаций.

Вывод, вытекающий из этого подхода и актуальный по сей день, может звучать следующим образом: общественно значимое действие невозможно объяснить самим фактом существования общества или единым принципом его функционирования: объяснение достижимо только в ходе исследования механизмов, связывающих индивидуальные мотивы и социальное принуждение. Практические следствия данного положения особенно ценны для преодоления социальной мифологии, устойчиво воспроизводимой в отечественной гуманитарной практике, как в отношении демократии (и связываемого с ней социального развития), так и духовности общественной жизни. Ни «естественное» превосходство демократического режима, ни «общемировая» модернизация, ни трансцендентная истина не являются реальными механизмами изменения социальной структуры, так же как не может являться каждая из них единственным принципом организации общества, каким в политической экономии начала века выступала личная выгода. Опыт критики утилитаристской политэкономии Хальбваксом отчетливо показывает, что, в частности, демократию следует изучать как социальный конструкт, возникающий на границе разнородных социальных тенденций, и как действующее социальное представление, но не как всеобщий порядок, сводящийся к умозрительно благому и должному. Подчеркнем, что этот вполне очевидный сегодня вывод можно сделать на основании внимательного прочтения уже первых работ сборника.

Если к уже указанным чертам позитивного и критического анализа, проделанного Хальбваксом, прибавить объяснение причин демонстративного потребления и самоорганизации классов или тезис о загадочности происхождения богатства (примеры из «Замечаний к социологической постановке...»), можно видеть, что, в целом, все те социальные факты, которые в целях классификации понимаются как естественные, в целях объяснения их в рамках социальной структуры и эволюции трактуются как соотносительные, будучи едва ли не более, чем у самого Дюркгейма подчинены правилу анализа сопутствующих изменений, при помощи которого «социальная связь постигается не извне, как в предыдущих методах, а изнутри» [11, с. 144]. Мы можем говорить «более, чем у Дюркгейма» потому, что

последнему, как уже отмечалось, органическая эволюция дана в непосредственном усмотрении, а отсюда, причиной смены социальных представлений указывается изменение самого типа социальной организации. Для Хальбвакса же каждый из порядков: физический, органический, психический, социальный — обладает относительной автономией и собственными закономерностями, «поэтому искать объяснение изменений общественного сознания следует не в экономической истории, а в нем самом» («Замечания к социологической постановке...»)²⁵. Обращаясь в анализе к каждому из них, он получает конечные схемы собственно социологического объяснения циклического синтеза различных (по ряду физических, органических, экономических и социальных характеристик) социальных позиций и соответствующих им коллективных представлений. В представлениях, научный анализ которых относится Хальбваксом в ведение коллективной психологии, и находит опору соответствие между естественной и соотносительной сторонами социального факта, необходимо сопряженного с элементами субъективности: ментальными способностями, функционированием разума, естественными склонностями, устремлениями и т.д.²⁶ (например, в «Материя и общество», «Характеристики

²⁵ Обобщая, можно видеть, что методическому монизму Дюркгейма: «...Одному и тому же следствию всегда соответствует одна и та же причина» [11, с. 142] — противостоит методический императив Хальбвакса о необходимости выделения, например, множественных устремлений, которые в действительности (в отличие от какой-то одной причины) определяют сложную экономическую жизнь современных обществ («Потребности и устремления...»). Инвариант этого тезиса мы обнаруживаем в статье «Коллективная психология рассудочной деятельности», где развивается идея множественности групповых логик и соответствующих им различий в типах рассудочной деятельности. Еще один инвариант — тезис о множественности техник, охватывающих не только экономическую, но и религиозную, научную и прочие сферы («Индивидуальное сознание и коллективный разум»). Наконец, следует указать на принципиальную оппозицию «единственное Общество/группы» из работы «Закон в социологии» (цитата приводилась нами выше). Пользуясь исторически фривольной аналогией, можно утверждать, что различие базовых объяснительных установок: «одна причина/много причин» («единая логика/множественность логик») — объясняется различием между методом Дюркгейма, приближающимся к «высокой теории» (тогда неслучайным выглядит особое внимание к нему со стороны Парсонса), и методом Хальбвакса, чья «социальная психология», подкрепленная статистикой, оказывается своего рода «теорией среднего уровня».

²⁶ При этом, как отмечалось выше, их содержание, во многом, просто гипостазировано из явных или неявных допущений, предпосланных социологическому объяснению извне — будь то представление о социальном благе или природных склонностях. Впрочем (и это мы уже отмечали), принципиальные тезисы в поздних работах имеют прямо противоположную, критическую направленность: «Сначала можно подумать, что начальник — это человек, отличающийся от всех остальных некоторыми физическими или церебральными свойствами, и что, следовательно, институт правительства предполагает совокупность подобных органических условий у такого-то или такого-то. Но мы знаем, что даже тогда, когда подобные качества вовсе отсутствуют, группа всегда может силой воображения (*fictivement*) приписать тому или иному из своих членов качества, на которых зиждется авторитет. Политическая власть — это порождение группы, а не результат физического либо органического воздействия,

средних классов», «Индивидуальное сознание...»).

Именно отсутствие окончательного предметного основания, которое не может быть ни биологической природой, ни психической жизнью индивида, ни экономическими факторами или мотивами, ни статистическими законами, но и не абстрактно-логическими отношениями между социальными фактами²⁷, придает методу (в смысле Декарта или Дюркгейма), практикуемому Хальбваксом, неоднородность и неполноту. Одни и те же социальные сущности, трактуемые и как естественные, и как соотносительные, нуждаются в диффузной питательной среде, в роли которой выступает докартезианская натурфилософия, родственная здравому смыслу. Конечно, снимая с Хальбвакса ответственность за наследуемые им метафизические предпосылки объяснения, можно усматривать в ней только своего рода риторику сознания. Но, по крайней мере для нас, важным оказывается не то, насколько хорош или плох, ригиден или прогрессивен Хальбвакс в своих работах, а то, что эта натурфилософия оттеняет своим существованием: социологические приемы анализа практик и представлений.

Синтезируя ранее выделенные элементы метода, можно дать следующую схему базового цикла алгоритма, который Хальбвакс использует при описании/объяснении, в частности, социальной структуры: констатация дорефлективно различимой, данной в обыденном опыте социальной позиции²⁸ и предположение естественных качеств, склонностей или способностей, ей соответствующих — предположение о социальном единстве, порядке разделения труда, в рамках которого эта позиция воспроизводится как вид деятельности — гипостазирование коллективных представлений, заданных этим видом деятельности — выделение ее субъективного условия в форме предметности сознания ее агентов — поиск показателей, позволяющих объективно и достоверно различать позиции в рамках социального единства — реконструкция на их основе социальной позиции²⁹,

которое было бы внешним по отношению к ней» («Закон в социологии»).

²⁷ Нежелание ограничиваться последним отражено в следующем замечании Хальбвакса: «Дело в том, что Конт... слишком сужал сферу социологии, когда отводил ей в качестве объекта коллективную эволюцию человечества, а в действительности – основные законы и наиболее общие направления этой эволюции» («Коллективная психология по Шарлю Блонделю»).

²⁸ Как естественной категории, имеющей источник, в том числе, в обыденном языке: «рабочий», «бюрократ», «высший класс» и т.д.

²⁹ Этому этапу соответствуют финальные объяснительные схемы, наподобие уже приведенной, о выделении низших классов на основании доходов их представителей, а высших — расходов. Особое место на этом этапе отведено статистике, приемам работы с которой Хальбвакс уделяет особое внимание (четвертая глава сборника). Несколько показателей, выделенных на предшествующем этапе (доходы и расходы как таковые, степень сложности устремлений, общее время досуга), объединяются в синтетические оппозиции, полюса которых воплощаются уже не в форме разрозненных количественных или содержательных оценок, но в идеальнотипических конструкциях, представляющих характерные для того или иного класса сочетания признаков (например, рабочие изолированы от остального общества, имеют недостаточный для

критически пересматривающая первоначальные допущения — фиксация отношения, связывающего представления/операции/телесные признаки, характеризующие агентов (реальные группы), занимающих реконструированную позицию. При этом, если понимать деятельность более широко, чем только как трудовую: как всякое социально регулируемое воспроизводство навыков (этим широким значением обладают, например, «техники») — алгоритм оказывается применим и к предметам, остающимся за рамками разделения труда и социальной структуры. В исследовании коллективных форм мышления и выражения эмоций, длительных экономических и демографических циклов, условий экономического обмена можно выделить схожие приемы анализа.

Несмотря на приписывание (в ранних работах) протяженности сознанию, этот алгоритм проходит у Хальбвакса через ряд конструктивных разрывов, которые берут начало в уже упомянутом допущении относительной автономии различных порядков и препятствуют прогрессирующей натурализации в духе Спенсера. Исходной здесь является дюркгеймианская дихотомия «социальное/индивидуальное», обоснованная императивом объяснять социальные факты через них самих. Мы можем видеть, как в различных предметах исследования воспроизводятся ее инварианты. В приведенном нами объяснении психологической компоненты рабства таковым выступает «социальное/природное», в отличие от Дюркгейма, рассмотренное не онтологически, а на уровне социальных представлений. Отчетливо противопоставляются индивидуальное/коллективное сознание (это противопоставление становится центральным в работах первой и второй глав, затрагивающих проблематику коллективной психологии). Для объяснения экономического поведения Хальбвакс выдвигает тезис об относительной автономии социального представлений, не сводимого к множеству его объективных экономических условий («Замечания к социологической постановке...»), то есть оппозицию «объективные обстоятельства/субъективные представления».

Предпринятое подробное рассмотрение ранних работ Хальбвакса, вплоть до схематизации алгоритма анализа, оправдано тем, что социальная и профессиональная ситуация, в которой происходит развитие социологии в современной России отчасти схожа с более общей ситуацией в истории развития социологии, которая предстает перед нами в форме интеллектуальной эволюции французского исследователя. Сходство заключается не в том, что сегодня в российской социологии мы вынуждены считаться и бороться с натуралистическим, в духе Спенсера, пониманием социального — теперь это лишь одна из частных и частичных перспектив, не претендующая на универсальность. Сходство состоит в неустраимости логики профессиональной рационализации, требующей переходить от в общем

самоосознания уровень культуры, воспроизводят трудовые навыки в формах досуга, не участвуют в прогрессе техники).

правдоподобных доводов к достоверным в частности объяснениям. Сходство состоит и в том, что, несмотря на смену концепции факта и критериев строгости по сравнению с началом века, нередко в качестве объяснительных схем используются современные субституты ранее неколебимой метафизики и теории естественной эволюции: политические предрассудки и обыденная очевидность. Именно потому, что наука раскрывается как социальное предприятие, от проблем и затруднений, характеризующих ее в целом³⁰, не могут быть избавлены отдельные исследователи или теоретики, далее прочих продвинувшиеся в описании/объяснении общества, но при этом как носители коллективной памяти (истории и актуальности своей дисциплины) остающиеся под неизбежным давлением отживших истин.

Поэтому столь важно было обозначить исходный для Хальбвакса проблемный горизонт и путь его преодоления. Конечно, можно было бы начать обзор непосредственно с приемов и открытий, которые делают Хальбвакса не только современным исследователем, но и блистательным классиком — жанр послесловия к первому изданию переводов вполне это допускает. Однако более серьезной задачей, чем удивить читателя тем, что «у Хальбвакса уже все было», явилось раскрытие внутренних сложностей и противоречий, которые изначально заключал в себе его социологический разум. Показав источники и точки отталкивания, мы, таким образом, очертили исторический рубеж, отправляясь от которого, можем теперь дополнить картину трудностей кратким очерком свершений.

Логика метода, которую можно описать как движение от естественного к социальному, оказывается здесь и историей его развития — в этом легко убедиться, ориентируясь на хронологическую последовательность написания (опубликования) работ. Вес посылок, приходящихся на натуралистские допущения, в ходе профессиональной эволюции Хальбвакса уменьшается, а их место занимает все более отчетливо декларируемая логика анализа объективных показателей (статьи о статистических методах в четвертой главе) и конструктивистские тезисы, развитие которых мы обнаруживаем уже в современной социологии, в частности, у П. Бурдьё. В качестве примера можно указать на критику последним натуралистской установки в отношении групп («практические группы/классы на бумаге» [17, с. 59-63]³¹) или анализ процессов делегирования и представительства в группе и

³⁰ Такие, несмотря на историю развития, имеют много общего в социологии начала века и в актуальном ее состоянии, поскольку в обоих случаях продолжают действовать относительно независимые от предметного содержания объяснительные схемы, тяготеющие к полюсам оппозиции «натурализм/субстанциализм».

³¹ Ср. с тезисом из работы Хальбвакса «Статистический эксперимент и вероятность»: «Вполне возможно, такое понятие, например, как вероятность дожития до определенного возраста, было введено в теорию страхования лишь по причине удобства — оно предполагает, что данную естественную группу людей определенного возраста заменяют воображаемой (fictif) группой индивидов, полагаемых идентичными или даже принадлежащими к одному среднему типу». Еще более отчетливо мы видим это в следующем тезисе из работы «Статистика в социологии»:

классе [18], в которых угадывается происхождение от приведенного здесь тезиса о произвольной связи групповых представлений с их персонификациями и о производительной силе групповых ожиданий («Закон в социологии»). При сохраняющейся с первых работ открытости к обыденному опыту (например, тезис о достоверности категорий общественного сознания, представленный в «Заметках к социологической постановке...»), или признание неизбежного заимствования социологом ненаучных категорий и различий в статье «Статистический эксперимент и вероятность» — что мы также отмечаем на новом уровне у Бурдьё (проблематизация доксы) — в развитии метода приоритет получают те процедуры из указанного алгоритма, которые обеспечивают анализ структуры, механизмов социального воспроизводства и принуждения, объективных показателей социальной динамики — научное объяснение социальной причинности *sui generis*.

Таким образом, хотя метод (ряд принципиальных его допущений), в сравнении с ранними работами, претерпевает серьезные изменения, нельзя сказать, что Хальбвакс переходит от прежнего множества посылок к какому-то принципиально иному. Метод модернизируется за счет концентрации существенных различий и исследовательских приемов на втором полюсе оппозиции «натуральное/реляционное», при том, что первый предстает все менее заметным, но никогда окончательно не устраняется из описания и объяснения³². Так, в работе «Закон в социологии» Хальбвакс говорит о необходимости учитывать влияния биологических и физических факторов и свойств объектов, вовлеченных в процессы социального (экономического) воспроизводства, и об органической деятельности людей, занимающих место в физическом пространстве (то же выступает основой анализа религиозной жизни, заявленной в «Религиозной морфологии»).

Принципиальной особенностью работ, принадлежащих более позднему периоду, является статистическая основа, а точнее, статистическая концепция факта, в настоящее время занявшая неоспоримое место в социологическом

«...Имеется риск на реальные группы наслоить группы воображаемые (*fictifs*), которые кажутся соответствующими первым только потому, что они и есть реальные группы, но лишённые значительной части своего содержания». Критика понимания возрастных категорий как реальных групп («Статистика в социологии») использована Ленуаром при анализе конструирования государством «естественных» категорий на основе возрастных различий [8, с. 20-22].

³² Наши неоднократные указания в сносках на то, что в более поздних работах Хальбвакс придерживается противоположной точки зрения на естественные свойства индивидов, «протяженное сознание», материальные свойства групп, не опровергают сделанного утверждения. Рассматривая метод Хальбвакса, мы действительно имеем дело с циклически воспроизводимым набором процедур, который направлен на выявление отношений «между самими фактами», то есть на возможность постоянного пересмотра ранее принятых допущений и констатаций. Именно это обеспечивает не радикальную теоретическую ревизию, а постепенный сдвиг в объяснении от естественного к соотносительному (социальному).

описании/объяснении. Здесь для нас важен не сам по себе факт, что Хальбвакс явился одним из наиболее деятельных агентов превращения статистики из подручного инструмента в основание социологии. Интерес представляет, прежде всего, ряд допущений и доказательств, которые для него еще были проблемой, а для нас уже оказываются очевидностью. Развитие дисциплины, как показал Кун на разнице логики учебников и практики открытия, приводит к тому, что подкрепленные базовые положения лишаются статуса гипотез и переводятся в категорию аксиом. А потому собственной задачей истории универсальных положений (помимо радости узнавания) становится археология проблемного горизонта, в котором происходило их становление. Это применимо и к сложному отношению, которое существует между статистикой (массивами данных и методиками их получения) и социологической интерпретацией. Удивительно обнаруживать, что в первой трети века социология изменений, социальная статистика и теория вероятности не только мыслились раздельно, но и в некоторых аспектах противопоставлялись («Статистический эксперимент и вероятность») — тогда как сегодня они вместе входят в обязательный набор учебных предметов в рамках социологического образования. Если даже нас не интересуют конкретные проблемы связи биологического, математического и социологического знания, исторической урбанистики или демографии начала века, в статьях, где разрабатывается статистическая концепция факта (четвертая глава сборника), мы сталкиваемся с наиболее общими принципами собственного профессионального мышления, бывшими историей и превратившимися в очевидность.

Не будем подробно излагать взгляды Хальбвакса на условия и границы использования статистики в социологии. Во-первых, это неоправданно приблизило бы настоящий текст к историко-социологическому, а во-вторых, много лучшей демонстрацией метода является его использование в исследовании — с этой точки зрения, сами статьи «Браки во Франции во время и после войны», «Статистика в социологии» являются хорошими образцами, каким является и упоминавшийся исследования Р. Ленуара и Д. Мерлье в [8], где использован ряд положений Хальбвакса. Укажем только некоторые оппозиции, которые выражают актуальные для него проблемы конструирования (для нас же сегодня, наоборот, ре- или деконструкции) статистического основания социологии.

Прежде всего, рассмотрение границ использования статистики опирается на оппозицию «чистые математические/конкретные эмпирические распределения». Метод социологического анализа не допускает прямого переноса математических методов в объяснение или сведения эмпирических зависимостей к универсальным математическим формам. Формальной компоненте статистики Хальбвакс уделяет в социологии роль средства: «Математика может быть чрезвычайно мощным инструментом при условии, что она подчиняется прогрессу позитивных наук» («Статистика в социологии»). Однако, Хальбвакс разделяет кан-

тианский тезис о невозможности установления общего отношения из суммы индивидуальных случаев. Следовательно, должна существовать какая-то универсальная форма, помимо математической, посредством которой можно было бы осуществлять синтез единичных фактов. Ею выступает первый член оппозиции «социальные (органические) единства/частные причины»³³. Хальбвакс предлагает такую последовательность шагов для установления статистически значимых отношений: фиксация единичных фактов путем непрерывного наблюдения, помещение их в социальные единства, помещение этих единств (институтов, групп, представлений, склонностей) в более обширные единства (общества). В итоге, полнота фактического материала и воздержание от априорных гипотез предполагает открытие феноменологической истины: «Достаточно наблюдать за ними [единствами — А.Б.], следить за их развитием, чтобы понять причины отношений, установившихся между их частями» («Методология Франсуа Симиана»).

Здесь мы снова обнаруживаем возврат к феноменологической предметности, однако речь идет уже не о сознании (рабочего, бюрократа и т.д.), а о численных показателях, рядах фактов, изменениях в социальной структуре — области, в которой социология сегодня мыслит себя наиболее ясно как наука. Что же гарантирует непосредственное усмотрение отношений в объективных фактах? Ответ, данный Хальбваксом, заставляет увидеть, сколь зыбким является фундамент современного объективизма: «...Как бы сформировались и функционировали эти единства, каким образом привели бы они к замечательным следствиям — социальной жизни и согласованности различных ее частей — если бы сами не были рациональными?» («Точка зрения социолога»). Не просто архаичный тезис — статус *ultima ratio* заставляет скрывать его и предавать забвению при современном объяснении/описании. Однако именно этим он актуален, позволяя нам заглянуть за стертые привычным употреблением формулы корреляции социальных показателей.

Принципиальной оппозицией применительно к анализу экономической и в целом социальной динамики является «равновесие/неравновесие». Согласно Хальбваксу, статистическое изучение должно вестись в соответствии с фактическим порядком, а ему, как порядку социальному, отражающему эволюцию органического единства, внутренне присуще движение посредством чередования фаз³⁴.

³³ «Если придерживаться частных индивидуальных фактов, в них самих невозможно обнаружить причины связей между ними. Когда же мы помещаем их в социальные единства, придающие им структуру и движение, причины их связи обнаруживаются в самих этих единствах» («Методология Франсуа Симиана»).

³⁴ Предварительно указав на необходимость избежания финализма в объяснении, Хальбвакс не боится говорить об экономическом или социальном прогрессе, результирующим чередованием фаз («Закон в социологии»). Прогресс, из которого идея конечной цели явным образом устранена, оказывается только вектором следования, а не предустановленным законом. Однако введение посылки о рациональном устройстве социальной реальности возвращает объяснению

Таким образом, модель равновесия оказывается априорной конструкцией, дающей в корне неверное представление о социальном мире («Статистический эксперимент и вероятность», «Статистика в социологии», «Точка зрения социолога»). Реальная динамика в обществе происходит не колебательно, а поступательно, поэтому статистический факт не является фактом статическим: «...Изучая социальную эволюцию, следует учитывать то, что прошлое сохраняется в определенной форме, что все элементы социального устройства подвержены изменениям и оказываются преобразованными ходом эволюции, равно как и то, что представление о будущем и его ожидание, в свою очередь, воздействует на нее» («Закон в социологии»). Таким образом, конструирование статистического факта не менее прочих (например, содержания представления или ритуала) требует введения элементов субъективности, и граница между качественным и количественным оказывается не подвижной вообще, а проблематизируемой и устанавливаемой в контексте конкретного исследования.

Итак, последовательное наблюдение фактов, установление их соотносительного места в социальных единствах, исследование неравновесных состояний — квинтэссенция «рационалистического эмпиризма», как Хальбвакс называет статистический метод Симиана, а по аналогии с ним, и свой собственный. Мы указали, что разрабатываемой им статистической концепции факта внутренне присущи элементы субъективности. Но в какой роли и в какой степени? Где в работах Хальбвакса пролегал деление между опытом исследователя и воплощением позитивного закона? Предлагая эти вопросы, мы не намерены решить их раз и навсегда — это не только неосуществимо, но и не нужно. Однако, попытаемся эскизно их прояснить, тем самым связав взгляды исследователя первой половины века с актуальными вопросами. Возьмем для рассмотрения работу, в которой статистическая концепция факта нашла самое непосредственное воплощение — «Браки во Франции во время и после войны».

Мы уже знаем, что порядок фактов коллективной психологии выступает у Хальбвакса опорным при объяснении динамики социальной структуры. В данной статье вступление в брак объясняется ожиданием, стремлением, желанием — субъективными и во многом случайными состояниями. Однако во всей совокупности индивидов раскрываются регулярности брачного поведения, даже маргинальные случаи подчинены статистическому порядку. Задача исследователя сводится, таким образом, к описанию условий и причин тех или иных индивидуальных действий. Говоря об условиях брачного поведения, Хальбвакс называет войну, экономический рост, эпидемии, которые объективно уменьшают или увеличивают вероятность вступления в брак. Говоря же о непосредственных причинах, он называет

просветительское звучание. Это один из элементов натуралистического понимания, которые, несмотря на использование статистики, сохраняет построение автора.

«стремление к браку», понимая его как некоторую социально-психологическую константу. Таким образом, в связи с определением роли субъективных компонент в статистическом факте, возникает вопрос: является ли устойчивое число заключаемых браков следствием предсуществующей положительной мотивации, желания жениться? Этот вопрос отсылает нас к определению закона в социологии: если допускается существование константной причины (стремления к браку), реализации которой способствуют или препятствуют различные обстоятельства, а сама эта причина не имеет источника изменения — субъективность оказывается только иллюзией наблюдателя, тогда как реально имеет место всеобщая детерминация, подобная физической.

Если мы отвлечемся от работы Хальбвакса и обратимся к сфере языка, мы обнаружим, что в той или иной практической сфере, в той или иной профессии используется устойчивый вокабуляр. Желают ли его использовать те, кто им пользуется или в этом следует видеть структурный эффект? Существует ли стремление к использованию социологического, бытового, политического языков, или мы имеем дело с рядом исходных символических горизонтов, в отношении которых логика желания нерелевантна? Очевидно, второе. Однако, если рассматривать совокупность социальных упорядочений как структуру, воспроизводящуюся вне связи с той исторической случайностью (будь это желание или произвол), которая отделила их существование от их возможности, мы обнаружим, что социальный порядок, подобно языку, реализуется как совокупность различий *sui generis* в собственной логике, точнее, топологии. Выбор или желание в его рамках является не прямой причиной или следствием, но второй производной, в которой исходные различия предстают в виде направленного вектора, но не потому что новая величина обладает собственным источником изменения, а потому что таков результат сведения нескольких значений (различий) к одному.

Если приведенная аналогия оправдана (а мы полагаем, что это так), стремление к браку оказывается превращенной формой самого социального порядка — и устойчивость числа заключаемых браков является тому подтверждением. Объективный (статистически регистрируемый) и психологический порядки оказываются двумя формами одной и той же структуры, если только мы не видим возможности изменения самого устремления под воздействием того или иного фактора (например, пропаганды или иных мер субъективного контроля, влияющих непосредственно на желание заключить брак). В иных случаях различие условий и причин Хальбвакс вводит, разделяя экономические условия и представления о будущем, цикл активности (племени) и религиозные представления. Однако, объясняя демографические данные, он видит в стремлении к браку «позитивную» константу, а потому объективные условия ставит на место прямых причин: число браков изменяется из-за войн, спада или роста торговли и т.д. Правда, в работе «Закон в социологии» он вводит в качестве различия обстоятельства/представле-

ние о них: «При вступлении в брак каждый исходит не только из своего личного положения, но также из мнения об [общественной] обстановке. Именно воздействие последнего, то есть коллективного представления, раскрывает нам статистика, и мы действительно не смогли бы выявить его каким-то иным образом». Однако и здесь «стремление к браку» не утрачивает роли автоматизма или априорной величины: психологический конструкт используется только для того, чтобы объяснить статистические регулярности, а значит, сам он оказывается только вторым обозначением социальной структуры, регистрируемой статистически.

Напрямую этому положению не противопоставлено никакого другого. Однако на операциональном уровне Хальбвакс вводит наряду со стремлением к браку ряд психологических мотивов, которые также объясняют число (и его изменение) заключаемых браков: желание получить пособие, спешка или медлительность, оценка своих шансов, уверенность в будущем. Таким образом, множественность психологических устремлений и представлений, образующих отдельное причинное поле, противостоят универсальному автоматизму стремления к браку. В демографической статистике также используется — правда, менее рельефно, чем в статьях, посвященных методу — принцип автономии порядков, каждому из которых приписывается собственное производящее основание, в конечном счете, выражающееся в изменении статистических показателей. Это проявляется в том, что Хальбвакс выделяет «стремление к браку, свойственное всему обществу в каждую эпоху» и «стремления групп и входящих в них индивидов» («Браки во Франции»). Однако, повторим, не изучая отдельно этих устремлений (например, методом интервью), в которых понятие приобрело бы эмпирическое содержание, Хальбвакс делает его только гипотезой, претендующей на объяснение ряда статистических данных. Это позволяет нам усилить ранее сформулированный тезис: граница в объяснении субъективных и объективных данностей определяется не просто в контексте конкретного исследования, но лишь настолько, насколько каждая из них становится предметом самостоятельной разработки и специфического описания/объяснения.

Изложение метода в контексте его трансформаций являет нам персонализированную историю дисциплины. Развернутая в трудах Хальбвакса, она дает возможность не только отмечать обособление эвристических приемов, лишь намеченных им на ранних этапах; она позволяет понимать их *ex anterior* современную исследовательскую социологию Франции. Вопросы и разработки, из которых вырастают исследования социальной структуры, мы упомянули в начале статьи — линия наследования здесь вполне очевидна. Не менее важным (но, возможно, менее очевидным) оказывается использование ряда приемов, предложенных Хальбваксом, группой социологов во главе с П. Бурдьё. Полномасштабное представление этой темы потребовало бы соизмеримого по объему и усилиям исследования, поэтому

здесь мы лишь конспективно наметим несколько принципиальных моментов, добавив их к сказанному ранее.

Приведенное выше замечание Хальбвакса об относительно независимом развитии ансамбля (экономических) представлений от его объективных условий, развитое в тезисе о сохраняющейся во времени социальной обусловленности индивидуального действия³⁵, уместившееся в метафоре «отпечаток общества»³⁶ и завершенное в формуле сознания как одновременного представления социального прошлого и будущего («Закон в социологии») — принципиально в рамках концепции относительно автономного воспроизводства социальной истории в габитусе [19, с. 192-95] и двойного структурирования социальной реальности [17, с. 63]. Тезисы о множественности причин социальной динамики («Потребности и устремления...»), об отсутствии единого основания для выделения социальных групп и о социологической недостаточности общих номинаций «буржуа», «рабочий» и пр. (работы первой главы по социальной структуре, а также принципиальные замечания в «Законе социологии») и разработка проблематики достоверности статистического объяснения и конструирования в социологии (работы четвертой главы) мы обнаруживаем в основании исследований, осуществленных Бурдьё и его коллегами³⁷.

Речь может идти также и о принципиальных шагах, предпринятых Хальбваксом в направлении социологии символического производства. В частности, основополагающий для социологии культуры Бурдьё императив о необходимости рассматривать производство в историческом контексте его производства/потребления обнаруживает несомненное сходство с объяснением социального генезиса сократической диалектики³⁸. Приемы реляционной реконструкции социального порядка, анализ роли социальных представлений и частных логик в эволюции социального целого, использование элементов объяснения, полагающего предметность через оппозиции, позволяют с полным правом усматривать в творчестве Хальбвакса питательную среду и источник социологической доксы для исследова-

³⁵ «...В период рассредоточения племени туземец, внешне предоставленный самому себе, вовсе не одинок и не находится в контакте только с физической природой ... Туземец никогда не выходит за пределы своей группы ... поскольку всегда сохраняет те же верования и духовные устремления, которые получил, когда все племя было в сборе» («Коллективная психология по Шарлю Блонделю»).

³⁶ «Даже если индивид искусственно отделен от общества и рассматривается вне связей, существующих между ним и группой, он, тем не менее, хранит в себе отпечаток общества» («Индивидуальное сознание и коллективный разум»).

³⁷ Напр., уже упоминавшаяся работа [8].

³⁸ «Но если мы [мысленно] поместим Сократа в его историческую среду, то увидим, что метод его сформировался в контактах с софистами, о которых мы что-то знаем лишь от самого Сократа, или Платона, но которые, похоже, далеко продвинули искусство ведения дискуссии» («Коллективная психология рассудочной деятельности»).

телей круга Бурдьё, прямо воспроизводящих некоторые элементы его метода. В конечном счете, и пониманию науки как своего рода ремесла («Материя и общество») наследует Бурдьё, выступающий против схоластического взгляда в социологии и против обусловленного им только теоретического прочтения социологических текстов.

Несколько тезисов в последних работах сборника имеют непосредственное отношение к принципу самообъективации исследователя, лежащего в основании социологической программы П. Бурдьё [20]. В критике абстрактной политической экономии Хальбвакс рассматривает генезис «чистых» понятий, посредством которых объясняется социальная реальность: «...В эти понятия всегда входят, не могут не войти, какие-то эмпирические элементы. Однако эти данные, заимствованные из реальности, являются результатом не методичного просмотра фактов, а особых условий, в которых оказался наш автор и в конце концов, случайности. Серьезнее всего, что он не отдает себе в этом отчета и, забыв, откуда пришли эти элементы наблюдений, полагает, будто они являются продуктом чистого и простого разума» («Методология Франсуа Симиана»). Основанием чистого разума оказываются «особые условия», частная перспектива, которая дает содержание мышлению, а значит, ученому необходимо делать поправку на частичность собственного видения³⁹. Развернутую и более строго прописанную форму этого императива мы обнаруживаем у Бурдьё. Замысел своего исследования университетского поля «*Homo Academicus*» он определяет следующим образом: «Я хотел сделать именно такую работу, которая способна избежать, насколько возможно, социальных детерминаций с помощью объективации особой позиции социолога (исходя из его образования, звания, дипломов и т. п.) и осознания вероятности ошибки, свойственной этой позиции» [20, с. 144]. Таким образом, хотя императив позитивного исследования и предполагает «методичный и полный пересмотр фактов» — скорее устранение самого исследователя, чем введение в анализ его точки зрения — именно он обнаруживается в основании социоаналитической самообъективации. Работы Хальбвакса оказываются немаловажной компонентой того плодотворного контекста, в котором П. Бурдьё сформулированы понятия габитуса и двойного структурирования, поля отношений и самообъективации.

Однако, помимо специального интереса, который могут вызвать отдельные положения в работах Хальбвакса или факты подобия и наследования в пространстве социологического объяснения (отношения, связывающие схемы, предложенные Дюркгеймом, Спенсером, Хальбваксом, Бурдьё), можно говорить об актуальности и, в некотором смысле, авантюрном интересе современного российского исследователя к методу Хальбвакса. Он вытекает из сходства социаль-

³⁹ «...Следовало бы четче осознать тот факт, что мы опираемся на опыт, даже устанавливая свои предпосылки. Таким образом, нам приходится приступить к продуманному, методичному и полному пересмотру фактов» («Точка зрения социолога»).

ных ситуаций, которая в нашем случае предстает следствием кризиса научных институций, выразившемся, прежде всего, в фактическом прекращении финансирования академических исследований. Как из достаточно ограниченного объема эмпирического материала, помимо личных наблюдений, опираясь на статистические и этнографические сведения, существующие в смежных дисциплинах модели — то есть на вторичные данные — осуществлять социологическое объяснение, которое не было бы полностью обездвижено ценностными предрассудками и не сводилось бы только к политической метафизике или пропедевтике? Вот вопрос, ответом на который является настоящий сборник. Хотя опыт ученого первой половины века не может быть использован как безусловный и эталонный (мы попытались достаточно ясно это продемонстрировать), сама подобная попытка и сопровождающие ее ошибки предоставляют нам сегодня ценный материал для сопоставления и выбора собственных практических ориентиров.

Если, по убеждению Бурдьё, успех социологии, как и прочих современных наук об обществе, лежит в развитии реляционного метода анализа и объяснения [19, с. 185], и нам требуется дать своим интеллектуальным привычкам опору в чем-то, эволюционирующем от субстанции к отношениям, то это что-то мы обнаруживаем в работах Хальбвакса. Польза от их освоения, помимо возможности заимствования ряда социологических «техник», состоит в опыте преодоления как если бы универсальных истин, которые, как показывает история, меняются каждые несколько десятков лет — в опыте борьбы с рационалистическими предрассудками, которые действуют принудительно на наше сознание, а значит, подчиняют себе и нашу профессиональную практику. Настоящий сборник — это, в том числе, эпическая картина преодоления и борьбы, которая развернулась на сорокалетнем интервале, берущем начало в эпоху социологической классики и завершившемся на пороге «высокой теории». Для того, чтобы понять место Хальбвакса в социологии, совсем не обязательно знать, как это видится В. Каради (биографическая статья в настоящем сборнике), что Хальбвакс происходил из семьи преподавателя и буржуа. Важно уяснить, чем и как его социологический труд может быть полезен нам сегодня.

Литература

1. Desrosières A., Thévenot L. Les catégories socioprofessionnelles. — Paris: La Découverte, 1988. — P. 20-21.
2. Halbwachs M. La classe ouvrière et les niveaux de vie. — Paris: Alcan, 1912.
3. Halbwachs M. Esquisse d'une psychologie des classes sociales. — Paris: Rivière, 1938.
4. Hoggart R. La culture du pauvre. — Paris: Minuit, 1957.
5. Aron R. La lutte des classes. — Paris: Gallimard, 1964.
6. Touraine A. La Société post-industrielle. — Paris: Denoël, 1969.
7. Merlié D. Les enquêtes de mobilité sociale. — Paris: PUF, 1994. — P. 106-107.
8. Шампань П., Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л. Начала практической социологии /Пер. с фр. под ред. Н.А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.
9. Интервью с профессором Жаком Ле Гоффом// Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М.: Индрик, 1993. — С. 300.
10. Декарт Р. Правила для руководства ума /Пер. с лат. М.А. Гарнцева// Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. /Под ред. В.В. Соколова. — М.: Мысль, 1989. Т. 1. — С. 91.
11. Дюркгейм Э. Метод социологии /Пер. с фр. А.Б. Гофмана// Дюркгейм Э. Социология. — М.: Канон, 1995.
12. Декарт Р. Размышления о первой философии /Пер. с лат. С.Я. Шейнман-Топштейн// Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. /Под ред. В.В. Соколова. — М.: Мысль, 1994. — Т. 2.
13. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда /Пер. с фр. А.Б. Гофмана. — М.: Канон, 1996.
14. Спенсер Г. Основания психологии /Пер. с англ. — СПб: Типография А.А. Пороховщикова, 1897. — Т. 1.
15. Гуссерль Э. Картезианские размышления /Пер. с нем. Д.В. Складнева. — СПб: Наука-Ювента, 1998. — С. 77.
16. Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида /Пер. с фр. и нем. М. Маяцкого. — М.: Ad Marginem, 1996. — С. 216.

17. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» /Пер. с фр. Н.А. Шматко// Бурдьё П. Социология политики /Под ред. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993.
18. Бурдьё П. Делегирование и политический фетишизм /Пер. с фр. Ю.М. Ледовских// Бурдьё П. Социология политики /Под ред. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993.
19. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть /Пер. с фр. Н.А. Шматко// Бурдьё П. Начала. — М.: Socio-Logos, 1994.
20. Бурдьё П. Объективировать объективирующего субъекта /Пер. с фр. Н.А. Шматко// Бурдьё П. Начала. — М.: Socio-Logos, 1994.